

**ИНВЕСТИЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
В КОНТЕКСТЕ РЫНОЧНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ*****Ирина Владимировна ВЯКИНА**кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления производством,
Тверской государственной технической университет, Тверь, Российская Федерация
vyakina@yahoo.com**История статьи:**Получена 12.01.2016
Получена в доработанном
виде 25.01.2016
Одобрена 15.02.2016
Доступна онлайн 29.11.2017

УДК 338.1

JEL: D63, E22, G01, G17,
I31, I32**Ключевые слова:**инвестиции, экономический
рост, социально-
экономическое развитие,
рыночное реформирование**Аннотация****Предмет.** Обеспечение экономического развития предполагает способность социально-экономической системы к устойчивому и расширенному воспроизводству, которое связано с наличием инвестиционного обеспечения и эффективностью его использования. От масштабов и эффективности использования инвестиций зависят обновление и расширенное воспроизводство основного капитала и социальное развитие общества.**Цели.** В ходе исследования преследовались следующие цели: анализ в историческом контексте особенностей экономического развития России в разрезе ее инвестиционных критериев на этапе трансформации хозяйственной модели и перехода к регулируемому рынку; выявление ключевых факторов экономического роста на разных этапах в период рыночной трансформации экономики Российской Федерации; оценка уровня социального развития во взаимосвязи с инвестиционными и финансовыми факторами.**Методология.** В качестве методологической основы проводимых исследований использовались традиционные методы научного анализа, экономической и математической статистики, технико-экономического и логического анализа, графического и экономико-математического моделирования и др.**Результаты.** Систематизированы этапы рыночной трансформации российской экономики в ходе ее реформирования, дана качественная характеристика особенностей экономического развития на каждом этапе. Выявлены общие закономерные связи между характером инвестиционного процесса и уровнем экономического развития, определены ключевые факторы экономического роста на каждом этапе и раскрыты особенности их проявления. Выполнена оценка уровня социального развития в ходе рыночного реформирования экономики Российской Федерации.**Выводы.** Нынешний инвестиционный кризис в России является закономерным, поскольку, несмотря на широкое обсуждение и многолетние дискуссии по проблеме, связанной с исчерпанием потенциала экспортно-сырьевой модели экономического развития, существенных изменений не происходит. Низкие показатели социального развития, высокий страновой риск, сложившееся устойчивое недоверие потенциальных инвесторов к государственным институтам, отсутствие действенного механизма защиты прав собственности и капиталовложений, отсутствие механизмов трансформации сбережений в капиталовложения являются основными причинами, его обуславливающими.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2016

Для цитирования: Вякина И.В. Инвестиционное обеспечение социально-экономического развития в контексте рыночных преобразований российской экономики // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2017. – Т. 13, № 11. – С. 2132 – 2151.<https://doi.org/10.24891/ni.13.11.2132>

Развитие представляет собой процесс социально-экономической системы, направленных и закономерных изменений приводящих ее к качественно новому состоянию, повышению эффективности

* Статья публикуется по материалам журнала
«Экономический анализ: теория и практика», 2016. № 2.

использования ресурсов и качества жизни в соответствии с потребностями общества.

Воспроизводственный характер экономического развития обеспечивается за счет инвестиционной составляющей, поэтому оценка уровня экономического развития России производится в существенной степени и с позиций инвестиционных критериев.

Известно, что основой технического и технологического развития является инвестиционная активность. Еще К. Маркс обосновал, что именно «добавочные капиталы, образованные в ходе нормального накопления, служат преимущественно средством для эксплуатации новых изобретений, открытий и вообще промышленных усовершенствований» [1, с. 642].

В условиях снижения покупательной способности населения, падения реальных доходов и недоступности заемных источников финансирования деловая активность заметно замедляется, предприниматели отказываются от долгосрочных проектов, связанных с инвестированием в основные фонды, вкладывая средства преимущественно в высоколиквидные активы. Государственные инвестиционные вложения осуществляются в режиме жестких бюджетных ограничений, обусловленных падением цен на нефть и уменьшением налоговой базы в связи со снижением доходов населения, прибыли промышленных предприятий и торговых организаций. Объем иностранных инвестиций в российскую экономику значительно сократился, негативное воздействие на инвестиционный рынок ограничивает доступ на международные финансовые рынки.

Помимо осложнения геополитической обстановки в мире и ослабления внешнеторговых позиций и инвестиционно-технологических связей в системе глобальной экономики, по мнению Председателя

Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации С.Е. Нарышкина, в России дестабилизирующими факторами экономического развития выступают исторические особенности, связанные с затянувшимся более чем на 20 лет реформированием экономики, негативными хозяйственными и социальными последствиями дезинтеграционных процессов на пространстве бывшего СССР, крупными преобразованиями в национально-государственном устройстве страны [2, с. 17].

Замедление темпов экономического роста в России происходит на фоне сложной геополитической обстановки, резкого снижения цен на нефть.

Топливо-энергетические товары (в основном сырье) составляют около 65% российского экспорта, причем около 40% доходов от экспорта составляют доходы от продажи нефти и газа¹. В этих условиях снижение цен на нефть приводит к значительному сокращению доходов федерального бюджета и вызывает необходимость разработки программы экономии, сокращения бюджетных расходов и поиска новых перспектив развития российской экономики.

К другим дестабилизирующим факторам, которые усиливают рост дефицитности федерального бюджета и обуславливают периодическое секвестирование бюджетов всех уровней, можно отнести присоединение новых территорий, требующее масштабного инвестирования в развитие транспортных коммуникаций и энергетической инфраструктуры, а также дополнительных бюджетных расходов.

Рассмотрим в конкретно-историческом контексте характеристики экономического развития России в разрезе ее инвестиционных

¹ Внешняя торговля (на 08.10.2015).
URL: http://gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/fttrade

критериев на этапе трансформации хозяйственной модели и перехода к регулируемому рынку, чтобы оценить особенности участия инвестиционных вложений в рыночных преобразованиях.

В 1990-е гг. российская экономика начала стремительный поэтапный переход к рыночным методам хозяйствования, который носил догоняющий характер по отношению к странам с уже сформировавшейся рыночной системой. В течение 1990-х гг. происходит сосредоточение финансовых ресурсов в руках собственников. Большинство владельцев приватизированных предприятий выжимали из морально и физически устаревших технологических линий максимальный доход, не заботясь об обновлении оборудования и технологий [3, с. 3]. Это привело к постепенной утрате инфраструктуры, потенциала и материально-технической базы, которые представляют собой фундамент создания общественных благ и развития.

В результате с 1970-х гг. в промышленности степень износа основных производственных фондов сильно выросла (*табл. 1*). Если она в 1970 г. не превышала 26%, то к 2014 г. этот показатель увеличился в два раза, достигнув почти 50%.

Отмечается также низкий уровень индикаторов обновления и выбытия основных фондов (*табл. 2*). Коэффициент обновления основного капитала в целом по экономике по сравнению с 1970 г. снизился с 10,6 до 4,3% в 2014 г. При таком темпе обновления основные фонды должны работать до их замены более 20 лет.

Для оценки влияния инвестиций на трансформацию хозяйственной модели России в ходе перехода к регулируемой рыночной экономике процесс рыночных преобразований целесообразно разделить на три периода, пограничными точками между которыми явились кризисы 1998 и 2008 гг.

Динамика темпов роста ВВП и индекса физического объема инвестиций в основной капитал за период рыночных преобразований в России представлена на *рис. 1*.

На протяжении каждого из периодов наблюдались достаточно характерные устойчивые тенденции, определяющие особенности экономического роста страны, который имеет ярко выраженную корреляцию с ценой нефти на мировом рынке.

Этапы рыночных преобразований российской экономики представлены на *рис. 2*.

Каждый из перечисленных этапов характеризуется своими особенностями.

I этап (1991–1998 гг.). Начальный период рыночных преобразований, в течение которого наблюдалась достаточно устойчивая невысокая цена на нефть марки Brent (около 20 долл. США за баррель). На этом этапе прослеживался устойчивый спад ВВП и инвестиционной активности. В 1998 г. среднегодовая цена нефти упала еще ниже и составила менее 13 долл. США за баррель. Следствием экономического кризиса явилось уменьшение реального ВВП и девальвация национальной валюты.

II этап (1999–2008 гг.). Благодаря благоприятной конъюнктуре на мировых рынках энергоносителей, повышению цен на нефть и девальвационному эффекту наметился рост ВВП и заметное оживление инвестиционной активности. Однако в результате нового падения мировых цен на энергоносители в конце 2008 г. произошел очередной спад ВВП и новая девальвация рубля.

III этап (2009–2015 гг.). В корреляции с ценами на энергоносители происходит кратковременный рост инвестиционной активности и ВВП, однако в связи осложнением геополитической обстановки, введением антироссийских санкций и

падением мировых цен на нефть в конце 2014 г. проблема обеспечения безопасности развития российской экономики вышла на первый план.

Высокая корреляция ВВП и цены нефти на протяжении всего периода рыночных трансформаций экономики еще более существенна и связана с тем, что данные официальной статистики о доле нефтедобывающего сектора в ВВП значительно занижены.

Так, многие компании, избегая уплаты налогов, продают свою продукцию торговым (посредническим) компаниям, являющимся дочерними добывающих, по ценам ниже рыночных. Заниженные цены именуется трансфертными. Посреднические компании в дальнейшем продают добытые полезные ископаемые конечным покупателям, используя офшоры. Следовательно, значительная часть добавленной стоимости из добывающих отраслей переходит в сектор услуг или остается за рубежом в офшорах и Росстатом не учитывается.

В 2006 г. О. Березинская и В. Миронов рассчитали, что если бы структуру ВВП не искажали трансфертное ценообразование и занижение экспортных цен, то картина была бы другой. По их расчетам, на долю нефтегазового комплекса приходилось не 6–9% ВВП (по официальным данным), а 14–15% в 1996–1998 гг. и более 20% в 1999–2003 гг. С учетом трубопроводного транспорта доля составила в 1999–2003 гг. около четверти ВВП»².

Министр энергетики Российской Федерации (с 2008 по 2012 г.) С.И. Шматко на правительственном часе в Государственной думе 8 декабря 2010 г. говорил, что по состоянию на текущий период отрасли топливно-энергетического комплекса

сохраняют доминирование в объеме ВВП, их доля приблизилась к 30%³.

Академик Л.И. Абалкин в 1994 г., описывая экономическую ситуацию того времени, писал, что сокращение объемов производства ведет к неизбежному вытеснению отечественных производителей не только с мирового рынка, но и с внутреннего. Развитие процессов в данном направлении может приобрести необратимый характер, при котором производство даже при мощной финансовой и иной поддержке уже нельзя будет восстановить вследствие отсутствия рынка сбыта. Тем самым исчезнет возможность возрождения и подъема российской экономики, а страна лишится шанса вернуться в число высокоразвитых держав [4, с. 9].

В настоящее время многие отечественные производители вытеснены не только с мирового, но и с внутреннего рынка, при этом сложно оценить, подошли ли мы к той точке, когда характер развития таких процессов становится необратимым.

Рассмотрим значения основных показателей инвестиционного обеспечения экономического роста в среднем за указанные периоды рыночной трансформации российской экономики.

На первом этапе рыночных преобразований с 1991 по 1998 г. физический объем ВВП, рассчитанный в неизменных ценах, упал на 42,5%, за год в среднем падение составляло около 6,7%. На втором этапе на фоне роста цен на нефть и девальвации рубля отмечался рост ВВП (на 79,5% за весь период и около 5,5% в среднем за год) и оживление инвестиционной активности. На третьем этапе рыночных преобразований после кризиса 2008 г. интенсивность экономического роста и

² Березинская О., Миронов В. Самая главная отрасль // Коммерсантъ. 2006. 22 августа. URL: <http://kommersant.ru/doc/699414>

³ Доклад министра энергетики РФ Сергея Шматко на правительственном часе в Государственной думе Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://cityenergo.info/science/reports/detail.php?ELEMENT_ID=1924

инвестиционной активности заметно снизилась (*табл. 3*).

Охарактеризуем трансформацию роли инвестиционного обеспечения экономического роста на каждом этапе.

На первом этапе рыночных преобразований финансовые цели определяли приоритеты экономической политики, что привело к уходу на задний план задач развития реального сектора.

Концепция реформирования российской экономики в 1990-е гг. строилась на монетаристских принципах, без учета специфики сложившихся в стране институциональных условий, что во многом объясняет непринятие импортируемых рыночных институтов.

Как отмечается в коллективном труде «Институциональные ограничения современного экономического роста», лидеры первого реформаторского Правительства России предпочли сконцентрировать усилия на ряде исключительно важных направлений экономических реформ в самом узком смысле этого слова: на либерализации цен и торговли, приватизации, финансовой стабилизации. В первые месяцы и годы реформ они не только не затрагивали ядра старой системы институтов, но и со временем сами уперлись в ограничения, связанные с провалами государства на ключевых направлениях его ответственности: в сфере правосудия, безопасности и обороны [5, с. 40].

По мнению Р.М. Нуреева, в указанный период никто не изучал степени подготовленности различных институтов к радикальным реформам в экономической, социальной и политической сферах. Культурные стереотипы россиян не способствовали рыночным реформам, а скорее их тормозили [6, с. 321].

Внутренние причины глубокого трансформационного спада при переходе к рыночному хозяйству связаны с отсутствием

долгосрочных инвестиционных планов развития у большинства новых собственников предприятий. В результате в деятельности фирм краткосрочный аспект преобладал над долгосрочным, а мотив личного обогащения новых владельцев доминировал над целями развития производства [6, с. 325].

Подобный феномен развития, когда личный интерес обособляется от интересов предприятий или коллективных общественных интересов, стремление к личному обогащению превалирует над целями развития, был охарактеризован Г.Б. Клейнером как экономика физических лиц [7, с. 82]. Это парадоксальная с точки зрения обеспечения развития предприятий ситуация, когда сделки заключаются в интересах отдельных лиц в ущерб интересам самого предприятия, что во многом связано с отсутствием ощущения безопасности и высоким уровнем экономического и политического риска, когда в силу экономических и политических причин высока вероятность потери бизнеса, следовательно, забота о личной собственности оттесняет на задний план заботу о предприятии.

В результате возникают дефицит сбережений и дефицит платежного баланса. Дефицит сбережений проявляется в том, что уровень сбережений, доступных для промышленности, гораздо меньше, чем объем инвестиций, необходимых для развития производства. Низкий уровень сбережений объясняется падением доверия населения к существующим финансовым институтам. При этом склонность к сбережению в указанный период реализуется в основном в форме накопления иностранной валюты, недвижимости и других неликвидных форм вложения средств, не аккумулируемых финансовыми учреждениями. В этих условиях источником накопления становятся иностранные займы, что является причиной торгового и платежного дефицита [6, с. 327]. При этом ввоз иностранного ссудного капитала в

Россию сопровождается значительным, не фиксируемым официальной статистикой, нелегальным вывозом капитала.

Следствием преобразований стало возрастание кризисного потенциала: экономического спада, снижения объема инвестиций, критического состояния производственной базы, негативных сдвигов в структуре экономики за счет развития главным образом торгово-посреднического сектора, закрепления сырьевой ориентации, усиления дифференциации в уровнях доходности различных секторов экономики и территорий, деформации денежной массы, платежной системы, утечки капитала за рубеж, роста дефицита бюджета и накопления социальных проблем⁴.

Отток капитала из реального сектора в финансовый, связанный с различием уровня доходности вложений, привел как к сокращению финансовых ресурсов производства, так и к разрастанию финансового сектора, которое не опиралось на стабильную воспроизводственную основу. Доля долгосрочных кредитов в общем объеме активов банков составляла 3–4%, причем процентные ставки по кредитам превышали уровень рентабельности промышленной продукции в 5–16 раз. Банки, аккумулируя до 90% сбережений населения и средств предприятий, вкладывали их преимущественно в государственные ценные бумаги, которые являлись наиболее привлекательными с позиций доходности, надежности и ликвидности. При этом капитализация российского фондового рынка более чем на 80% формировалась акциями топливно-энергетических компаний⁵.

Отток капитала происходит не только из реального сектора в финансовый, но и из

⁴ Игонина Л.Л. Экономическая безопасность России в системе макроэкономических инвестиционных критериев // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2013. № 2. С. 52.

⁵ Там же, с. 53.

России за рубеж. Академик Д.С. Львов утверждал, что за годы реформ за границу было вывезено около 500 млрд долл. США [8, с. 34].

Оценки различных экспертных центров относительно вывоза капитала в годы реформ сильно колеблются в определении общей суммы вывезенного. В основном расхождения связаны с отсутствием достоверной и полной информации об операциях начального периода реформ (Банк России начинает свою отчетность по платежному балансу и выводу капитала из страны лишь с 1994 г., а не с 1992 г.).

Наиболее адекватной из имеющихся представляется оценка Минфина России, по которой чистый отток капитала из России за 1986–1995 гг. составил 265–285 млрд долл. США. С учетом оттока капитала в последующие годы (142,3 млрд долл. США) за время реформ Россия потеряла астрономическую сумму – 407,3–427,3 млрд долл. США. По расчетам экспертов Ассоциации российских банков, сумма переведенных за рубеж капиталов (то есть с учетом государственных средств и без учета притока иностранных капиталов) в 1990-х гг. определялась в диапазоне от 800 млрд до 1 трлн долл. США⁶.

Второй этап рыночных преобразований начался в 1999–2000 гг., когда благоприятная конъюнктура на мировых рынках энергоносителей и девальвационный эффект способствовали выходу из затяжного и глубокого спада в российской экономике. Указанные факторы привели к развитию экспортно ориентированных производств, обеспечили приток валютной выручки, постепенное расширение денежного предложения и снижение процентных ставок. Однако модель развития, основанная на концентрированной собственности,

⁶ Делягин М.Г. Доклад «Офшорная аристократия»: превратить бегство в экспансию. URL: <http://refwin.ru/2101020043.html>

олигополистической структуре производства, вывозе сырьевых ресурсов, подверженная высоким конъюнктурным колебаниям в зависимости от цен на мировом рынке, привела к накоплению внутренних рисков и угроз.

Основная проблема, препятствующая развитию российской экономики и ставшая очевидной на втором этапе рыночных преобразований, заключается, по мнению В.К. Сенчагова, в том, что финансово-банковская система, корпоративное управление и все звенья государственного механизма не способны использовать на благо страны и ее граждан накопленный ресурсный потенциал, даже те денежные средства, которые страна зарабатывает от благоприятной ценовой конъюнктуры. Это показал опыт 2000–2004 гг., когда наша финансово-банковская система оказалась неспособной трансформировать дополнительные доходы в инвестиции [9, с. 70].

В силу сложившихся структурно-функциональных характеристик российская экономическая система является весьма чувствительной к внешним шокам: снижению темпов роста мировой экономики, ухудшению ценовой конъюнктуры на рынках нефти, падению ликвидности мировых финансовых рынков⁷. Поэтому последствия мирового кризиса 2008 г. для российской экономики оказались более существенными, чем в других странах, и значительно усложнили задачи восстановления и наращивания экономики.

Ключевая особенность третьего этапа рыночных преобразований, который начался после кризиса 2008 г., – резкое усиление оттока капиталов. По данным Центрального банка Российской Федерации, он составлял только за 2008 г. 133,6 млрд долл. США, за

2014 г. – 153 млрд долл. США, а за весь период 2010–2014 гг. (не учитывая данные за 2015 г.) – более 380 млрд долл. США⁸.

Возможность вывоза и перетока капиталов, по мнению К. Маркса, создана тем, что страны с разным уровнем экономического развития участвуют в обороте мирового капитала. В развивающихся странах прибыль высока, так как органическое строение капитала низкое, рабочая сила и сырье дешевы, а цена земли сравнительно невелика. Если капитал вывозится за границу, то это происходит не потому, что он абсолютно не мог бы найти применения внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли [10, с. 281].

Стремление к повышению прибыли вызывает как движение капитала, так и его обновление. Ни один капиталист не применит нового метода производства добровольно, как бы он ни был производителен и как бы он ни повышал норму прибавочной стоимости, если только он уменьшает норму прибыли [10, с. 290].

Слова К. Маркса поясняют, что основой обновления капитала служит стремление предпринимателей к увеличению нормы прибыли, которое рождает мотивацию и заинтересованность в инвестициях.

Применительно к Российской Федерации наблюдается стойкая тенденция к понижению нормы рентабельности капитала и продаж на протяжении всего периода рыночных трансформаций. Поскольку основой движения капитала и его обновления, то есть мотивом к инвестиционной деятельности, по определению является стремление к повышению прибыли, активизация инвестиционного процесса представляется достаточно сложно осуществимой (*табл. 4*).

⁷ Игонина Л.Л. Экономическая безопасность России в системе макроэкономических инвестиционных критериев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 2. С. 53.

⁸ Статистика внешнего сектора. Чистый вывоз (ввоз) капитала из РФ частным сектором по данным платежных балансов. URL: <http://cbr.ru/statistics/?PrId=svs>

Так, по данным Росстата, в 2014 г. рентабельность добычи полезных ископаемых составляла 22,2%, добычи полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических, – 36%, производства электрооборудования, электронного и оптического оборудования – 10,2%, производства машин и оборудования – 6,8%, производства транспортного оборудования – 5,5%⁹. В этих условиях достаточно проблематично обеспечить рост инвестиций в высокотехнологичные и наукоемкие сферы, при этом невозможно говорить о развитии экономики.

На третьем этапе рыночных преобразований восстановление произведенного ВВП до докризисного уровня в России было обеспечено в основном за счет топливно-энергетического комплекса и высоких цен на энергоносители на мировом рынке (*рис. 2, табл. 3*). Фактически объем инвестиций в основной капитал увеличивался, по данным Росстата, только в 2010–2012 гг., с 2013 г. физический объем инвестиций начал уменьшаться.

При этом показатель инвестиций в основной капитал так и не достиг докризисного уровня, несмотря благоприятную конъюнктуру на мировом рынке энергоресурсов.

Как показывает анализ, модель воспроизводства инвестиционных ресурсов за счет ресурсно-сырьевого потенциала уже не обеспечивает достаточного роста экономики и необходимого объема инвестиций в основной капитал для экономического роста.

Ситуация осложняется значительным оттоком капитала (за 2014 – 153 млрд долл. США, а за период с 2010 по 2014 г. – более 380 млрд долл. США, как отмечалось ранее), продолжающимся с конца 2014 г. снижением цен на нефть, что привело к сокращению доходов федерального бюджета и секвестированию бюджетов всех уровней.

⁹ Россия в цифрах. 2015: краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2015. С. 417–418.

Уровень доходов определяет возможности развития экономической системы на любом уровне, в том числе и на уровне национального хозяйства. Размер национального дохода в работе С. Баззи и К. Блатмана исследуется как ключевой фактор национального развития. Авторы доказывают связь между уровнем национального дохода и политической стабильностью. Рост доходов уменьшает накал внутренних социальных и политических угроз, оппозиционных движений и снижает личные стимулы продолжения существующих социальных конфликтов [11, с. 36].

Взаимосвязь между социальными и финансовыми факторами очевидна для обеспечения экономического развития [12, с. 2267].

В условиях бюджетного дефицита социальное обеспечение экономического развития может стать источником серьезных социальных конфликтов, которые могут иметь угрожающий характер для развития и жизнеспособности социально-экономической системы. По мнению ряда авторов, [6, с. 321; 13, с. 100; 14, с. 108], серьезную угрозу для экономического развития представляет резкая дифференциация доходов и потребления населения, расширение зоны бедности, увеличение количества людей, доходы которых находятся ниже прожиточного минимума.

В исследованиях зарубежных авторов социальным факторам отводится значительная роль в обеспечении долговременного устойчивого развития. В частности, С. Имрохороглу и С. Китао [15, с. 117] предложили модель, в которой соотносятся медицинские расходы, заработная плата, здоровье населения с потенциальными угрозами жизнеобеспечению.

В книге профессора Л. Эндресса, бывшего главы Азиатско-Тихоокеанского центра по изучению вопросов безопасности «Устойчивое

экономическое развитие: ресурсы, окружающая среда и институты», вышедшей в 2015 г., в разделе «Дефицит, безопасность и устойчивое развитие» раскрыта связь между проблемой обеспечения безопасности социально экономических систем и их устойчивым развитием в условиях ограниченности ресурсов [16, с. 49–66]. Автор рассматривает взаимосвязь между дефицитом природных ресурсов, безопасностью и устойчивым развитием. Страх физического дефицита, по мнению автора, может привести к стремлению обеспечения безопасности с помощью мер, которые подрывают как саму безопасность, так и экономическое благосостояние.

Так, К. Дайнан, сопоставляя уровень доходов населения с уровнем обязательств по кредитам [17, с. 67], отмечает, что за последние несколько десятилетий финансовые возможности домохозяйств и уровень доходов населения значительно увеличились. Расширенные финансовые возможности параллельно с повышением доступности кредитных ресурсов способствовали увеличению объема инвестиций в рискованные активы на фоне непредвиденных колебаний доходов, что приводит к ситуации, в которой обязательства не соответствуют ресурсам, что является значимым фактором совокупной экономической нестабильности, дестабилизации индивидуальных хозяйств и экономики в целом.

За период реформирования экономики с 1991 по 2015 г. в России усилились социальное неравенство и поляризация общества. Распределение денежных доходов населения в указанный период представлено в *табл. 5*.

Сложившуюся ситуацию иллюстрирует график, представленный на *рис. 3*. На нем видно, что произошел значительный сдвиг кривой Лоренца вправо, в сторону усиления неравенства.

Стоит отметить, что данные Федеральной службы государственной статистики

занижают степень неравенства, что связано с существующей системой сбора информации, которая не учитывает теневого сектора. При этом высокие доходы, как правило, укрываются от налогов.

Тем не менее даже по данным Федеральной службы государственной статистики прослеживается устойчивая тенденция к усилению неравенства, разрыв между доходами населения, который резко увеличился в первой половине 1990-х гг.

Чрезмерные различия в условиях жизни населения страны воспринимаются обществом как нарушение принципов социальной справедливости и могут приводить к усилению центробежных тенденций и сепаратизму, ухудшению экономической безопасности в отдельных регионах страны и в Российской Федерации в целом.

Относительно оценки уровня социально-экономического развития существует мнение, что традиционные макроэкономические индикаторы развития не отвечают современным вызовам, а их использование может привести к сохранению и обострению сложившихся негативных социальных, экологических и экономических тенденций [18, с. 159]. Отдельные авторы предлагают изменить подход к измерению показателей развития, делая упор на социальные и экологические показатели.

Наряду с падением благосостояния населения и качества жизни реформы 1990-х гг. способствовали значительному ухудшению демографической обстановки, повышению смертности, снижению рождаемости и привели в конечном итоге к отрицательным значениям естественного прироста населения, наблюдаемым впервые на протяжении всего XX в. [19].

Динамика рождаемости и смертности в России с 1950 по 2014 г. представлена на *рис. 4*.

Совместная динамика уровней рождаемости и смертности, определяющая уровень воспроизводства населения, показывает, что до конца 1950-х гг., несмотря на систематическое снижение, воспроизводство населения России оставалось расширенным (за исключением периодов массового голода 1933–1934 гг., 1947–1948 гг., военных лет).

На протяжении рыночных преобразований в России наблюдался рост заболеваемости населения по всем основным классам болезней, связанных с высоким уровнем стресса и низким качеством жизни, соответственно росла смертность. Особенно высока в эти периоды была смертность мужчин в молодом возрасте, которая в несколько раз превышала смертность женщин. Мужчины гораздо сильнее женщин реагировали на катаклизмы 1990-х гг.

За период реформирования экономики значительно возросла заболеваемость населения по отдельным классам болезней и в целом. Так, если общее число зарегистрированных заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, в 2014 г. увеличилось по сравнению с 1991 г. на 16% при уменьшении численности населения почти на 3%, то заболеваемость населения болезнями крови, кроветворных органов с нарушением иммунного механизма увеличилась в 3 раза, болезнями эндокринной системы и нарушением обмена веществ – в 2,8 раза, болезнями системы кровообращения – в 2,6 раза, врожденные anomalies (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения наблюдались чаще в 2,5 раза. Графически эта ситуация представлена на *рис. 5*.

Кроме того, наблюдался рост заболеваемости злокачественными новообразованиями почти на 30% и активным туберкулезом на 73% по сравнению с 1991 г. Причем в 1990-е гг., на первом этапе реформ, произошел резкий рост заболеваемости активным туберкулезом, к

2000 г. заболеваемость увеличилась в 2,6 раза, после чего наметился спад. Эта тенденция отражена на *рис. 6*.

Отсутствие сформированного механизма управления опасностями, носящими системный характер и угрожающими экономике в целом, способствовало обострению положения дел в ряде секторов хозяйства, прежде всего базовых, представленных инфраструктурными отраслями, здравоохранением, образованием, правоохранительной системой, что подрывало основу развития и обеспечения национальной безопасности регионов и страны в целом, снижало жизненный уровень и качество жизни населения.

Рост заболеваемости населения может быть связан как с качеством медицинского обслуживания, так и с ухудшением экологической обстановки. Состояние окружающей среды может угрожать устойчивому развитию страны, общества и мировой цивилизации; деградация природы ведет к дестабилизации биосферы (сферы жизни), утрате ее целостности, способности поддерживать необходимые для жизни качества окружающей среды.

В результате проведенного исследования, напрашивается вывод, что нынешний инвестиционный кризис в России является достаточно закономерным. Несмотря на широкое обсуждение и многолетние дискуссии по проблеме, связанной с исчерпанием потенциала экспортно-сырьевой модели экономического развития, базирующегося на форсированном наращивании топливного и сырьевого экспорта и низкой стоимости производственных факторов – рабочей силы, топлива, электроэнергии, существенных изменений не происходит.

Оценивая текущее экономическое состояние страны, С.А. Афонцев [20, с. 20] считает, что в условиях отсутствия для России полноценного

доступа к международным рынкам товаров, капитала и технологий в лучшем случае можно говорить о минимизации ущерба от начавшегося кризиса, но не о перспективах выхода из него.

Для практической реализации импортозамещения в долгосрочной перспективе отечественные компании должны иметь возможность осуществлять инвестиции в расширение производства, технологическую модернизацию и повышение уровня производительности. Для этого необходим доступ к источникам капитала и технологий, на основе которых

могут быть созданы новые производственные мощности.

Высокий страновой риск, сложившееся устойчивое недоверие потенциальных инвесторов к государственным институтам, отсутствие действенного механизма защиты прав собственности и капиталовложений, который бы не допускал возможности эспроприации со стороны государства и компаний-конкурентов, отсутствие механизмов трансформации сбережений в капиталовложения обусловили нынешний инвестиционный кризис в России.

Таблица 1

Степень износа основных фондов в 1970–2014 гг., %

Table 1

The wear and tear degree of fixed assets, 1970–2014, percentage

Год	Степень износа
1970	25,7
1980	36,2
1990	35,6
1995	39,5
2000	39,3
2005	45,2
2010	47,1
2011	47,9
2012	47,7
2013	48,2
2014	49

Источник: данные Росстата

Source: Rosstat data

Таблица 2

Коэффициенты обновления и выбытия основных фондов промышленности в 1970–2014 гг., %

Table 2

Renewal and disposal coefficients of fixed assets in the manufacturing sector, 1970–2014, percentage

Показатель	1970	1980	1990	1995	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Коэффициент обновления	10,6	8,1	6,3	1,9	1,8	3	3,7	4,6	4,8	4,6	4,3
Коэффициент выбытия	–	–	2,4	1,9	1,3	1,1	0,8	0,8	0,7	0,7	0,7

Источник: данные Росстата

Source: Rosstat data

Таблица 3

Инвестиционное обеспечение развития экономики Российской Федерации за период рыночной трансформации, %

Table 3

Investment committed to development of Russia's economy for the market transformation period, percentage

Показатель	I этап (1991–1998 гг.)	II этап (1999–2009 гг.)	III этап (2010–2015 гг.)
Прирост ВВП за период в постоянных ценах	–42,5	79,5	14,9
Среднегодовой темп прироста ВВП в постоянных ценах	–6,69	5,46	2,82
Прирост физического объема основных фондов за период	5,36	21,48	16,42
Среднегодовой темп прироста физического объема основных фондов в сопоставимых ценах	0,65	1,79	3,87
Прирост инвестиций за период в постоянных ценах	–78,89	184,71	4,08
Среднегодовой темп прироста инвестиций в постоянных ценах	–17,67	9,98	4,08
Среднегодовая цена на нефть марки Brent, долл. США	17,72	46,73	93,85

Источник: данные Росстата

Source: Rosstat data

Таблица 4

Динамика рентабельности организаций (без субъектов малого предпринимательства) Российской Федерации в 1995–2014 гг., %

Table 4

Profitability trends of the Russian entities (net of small businesses), 1995–2014, percentage point

Год	Рентабельность активов	Рентабельность проданных товаров, продукции, работ, услуг
1995	5,3	15,8
2000	7,6	18,9
2005	8,8	13,5
2010	6,7	10
2011	6,5	9,6
2012	6,1	8,6
2013	4,5	7
2014	2,5	7,3

Источник: данные Росстата

Source: Rosstat data

Таблица 5

Распределение денежных доходов населения Российской Федерации в 1991–2014 гг., %

Table 5

Breakdown of monetary income of the Russian population, 1991–2014, percentage

Распределение общего объема денежных доходов по 20%-ным группам населения	1991	1995	2000	2005	2010	2014
Первая группа (с наименьшими доходами)	11,9	6,1	5,9	5,4	5,2	5,2
Вторая группа	15,8	10,8	10,4	10,1	9,8	9,9
Третья группа	18,8	15,2	15,1	15,1	14,8	14,9
Четвертая группа	22,8	21,6	21,9	22,7	22,5	22,6
Пятая группа (с наибольшими доходами)	30,7	46,3	46,7	46,7	47,7	47,4
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	0,26	0,387	0,395	0,409	0,421	0,416

Источник: данные Росстата

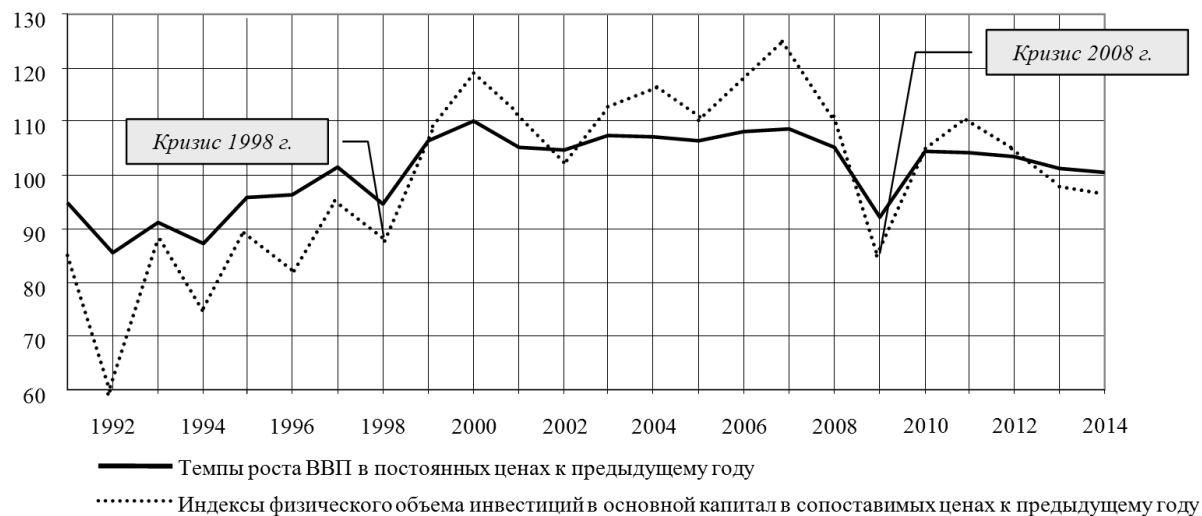
Source: Rosstat data

Рисунок 1

Динамика темпов роста ВВП и индекса физического объема инвестиций в основной капитал в России в 1991–2014 гг.

Figure 1

Trends in growth rates of GDP and index of physical investment in fixed assets in Russia, 1991–2014

Источник: данные Росстата

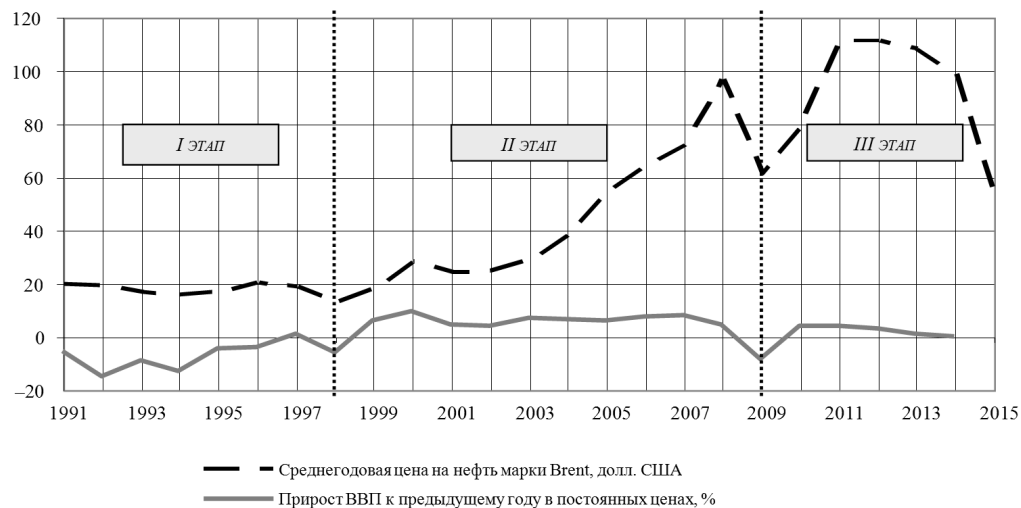
Source: Rosstat data

Рисунок 2

Соотношение среднегодовых цен на нефть марки Brent и темпа прироста ВВП России в 1991–2015 гг.

Figure 2

The trade-off between the yearly average of Brent oil price and Russia's GDP growth rate, 1991–2015

Источник: данные Росстата; Europe Brent Crude Oil Spot Price FOB.

URL: <https://quandl.com/data/DOE/RBRTE-Europe-Brent-Crude-Oil-Spot-Price-FOB>

Source: Rosstat data; Europe Brent Crude Oil Spot Price FOB.

URL: <https://quandl.com/data/DOE/RBRTE-Europe-Brent-Crude-Oil-Spot-Price-FOB>

Рисунок 3

Сдвиг кривой Лоренца в России с 1991 по 2015 г.

Figure 3

Shift of the Lorenz curve in Russia, 1991–2015

Источник: составлено автором

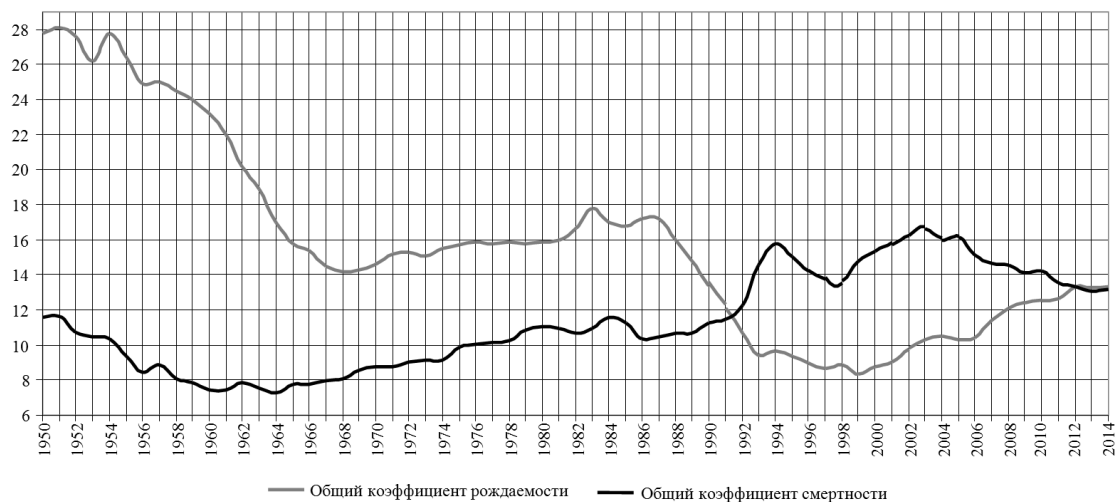
Source: Authoring

Рисунок 4

Динамика рождаемости и смертности в России на 1 000 чел. населения с 1950 по 2014 г., чел.

Figure 4

Trends in birth and death rates in Russia per 1,000 people, 1950–2014, people

Источник: составлено автором

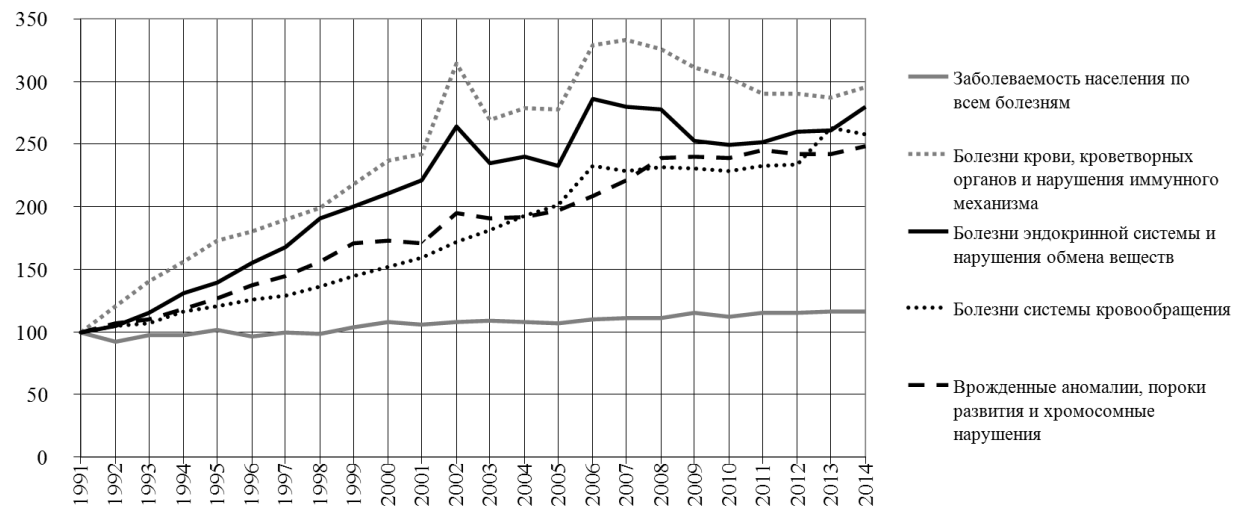
Source: Authoring

Рисунок 5

Темп роста заболеваемости населения РФ с 1991 по 2013 г., % (1991 г. – 100%)

Figure 5

Trends in the morbidity rate of the Russian Federation, 1991–2013, percentage point (1991 as 100 percent)

Источник: составлено автором

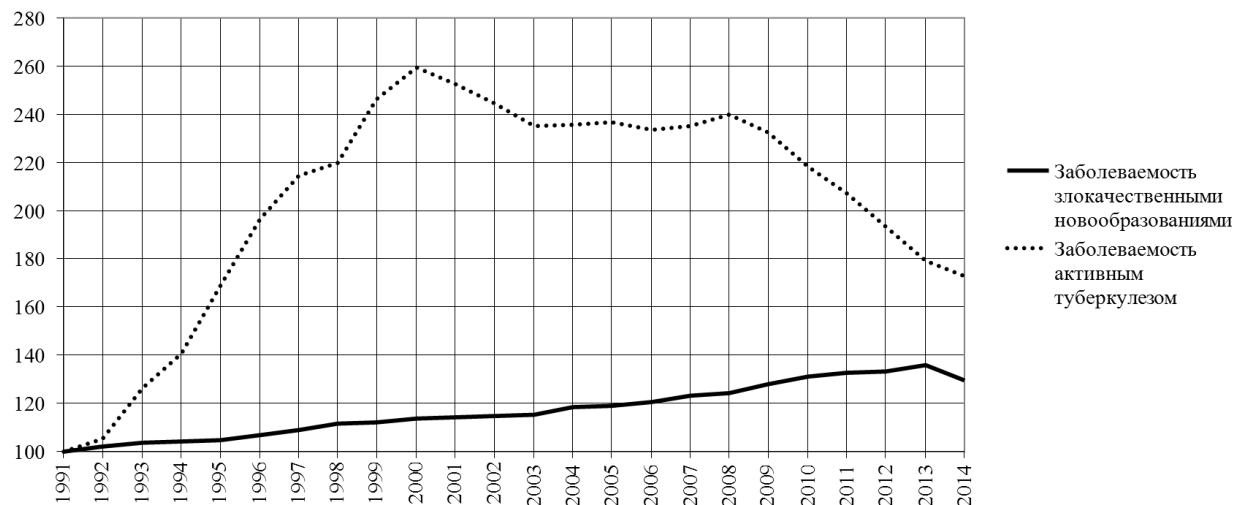
Source: Authoring

Рисунок 6

Темп роста заболеваемости населения РФ с 1991 по 2013 г. злокачественными новообразованиями и активным туберкулезом, % (1991 г. – 100%)

Figure 6

Growth rates of cancer and active tuberculosis morbidity in the Russian Federation, 1991–2013, percentage point (1991 as 100 percent)

Источник: составлено автором

Source: Authoring

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. 924 с.
2. Нарышкин С.Е. Инвестиционная безопасность как фактор устойчивого экономического развития // Вопросы экономики. 2010. № 5. С. 16–25.
3. Леонтьев Л.И. О формах и методах стимулирования инновационной деятельности. М.: ИСПИ РАН, 2001. 48 с.
4. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России. Угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–13.
5. Лисин В.С., Яновский К.Э. и др. Институциональные ограничения современного экономического роста. М.: Дело, 2011. 640 с.
6. Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления и модернизации рыночной экономики. М.: Норма, 2008. 367 с.
7. Клейнер Г.Б. Современная экономика России как «экономика физических лиц» // Вопросы экономики. 1996. № 4. С. 81–95.
8. Львов Д.С. Нравственная экономика // Свободная мысль-XXI. 2004. № 9. С. 24–36.
9. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность как основа обеспечения национальной безопасности России // Вопросы экономики. 2001. № 8. С. 64–79.

10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. 546 с.
11. Bazzi S., Blattman C. Economic Shocks and Conflict: Evidence from Commodity Prices // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2014. Vol. 6. Iss. 4. P. 1–38.
URL: <https://doi.org/10.1257/mac.6.4.1>
12. Azzimonti M., Francisco E., Quadrini V. Financial Globalization, Inequality, and the Rising Public Debt // *The American Economic Review*. 2014. Vol. 104. Iss. 8. P. 2267–2302.
URL: <https://doi.org/10.1257/aer.104.8.2267>
13. Сенчагов В.К. О сущности и основах стратегии экономической безопасности России // *Вопросы экономики*. 1995. № 1. С. 97–106.
14. Орлов А.А. Угрозы в социальной сфере: их диагностика и возможности упреждения // *Вопросы экономики*. 1995. № 1. С. 107–118.
15. Selahattin I., Kitao S. Social Security Reforms: Benefit Claiming, Labor Force Participation, and Long-Run Sustainability // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2012. Vol. 4. Iss. 3. P. 96–127. URL: <https://doi.org/10.1257/mac.4.3.96>
16. Lee H. Endress. Scarcity, Security, and Sustainable Development. In: *Sustainable Economic Development. Resources, Environment and Institutions*. Elsevier Inc. 2015. P. 49–66.
URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-800347-3.00003-0>
17. Dynan E.K. Changing Household Financial Opportunities and Economic Security // *Journal of Economic Perspectives*. 2009. Vol. 23. Iss. 4. P. 49–68. URL: <https://doi.org/10.1257/jep.23.4.49>
18. Бобылев С.Н., Зубаревич Н.В., Соловьева С.В. Вызовы кризиса: как измерять устойчивость развития? // *Вопросы экономики*. 2015. № 1. С. 147–160.
19. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959 гг. // *Население и общество*. 1998. № 31. С. 1–4.
20. Афонцев С.А. Выход из кризиса в условиях санкций: миссия невыполнима? // *Вопросы экономики*. 2015. № 4. С. 20–36.

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

**INVESTMENT SUPPORT TO SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
IN THE CONTEXT OF MARKET-ORIENTED REFORMS OF RUSSIA'S ECONOMY****Irina V. VYAKINA**Tver State Technical University, Tver, Russian Federation
vyakina@yahoo.com**Article history:**Received 12 January 2016
Received in revised form
25 January 2016
Accepted 15 February 2016
Available online
29 November 2017**JEL classification:** D63, E22,
G01, G17, I31, I32**Keywords:** investment,
economic growth, socio-
economic development,
market reform**Abstract****Importance** Economic development implies the capacity of a socioeconomic system for a sustainable and expanded reproduction, which is associated with investment support and its efficiency. Renovation and expanded reproduction of fixed capital and social development depend on the scale and efficiency of investment.**Objectives** The study aims at analyzing the specifics of economic development of Russia in the historical context based on investing criteria during the transition to regulated market, identifying the key drivers of economic growth at different stages during the market transformation of Russian economy, assessing the level of social development in relation to investment and financial factors.**Methods** Methodological framework includes traditional methods of scientific analysis, economic and mathematical statistics, technical, economic and logical analysis, graphic simulation, mathematical modeling in economics, etc.**Results** I systematize stages of Russian economy's market transformation during the reform; provide qualitative characteristic of economic development specifics at each stage, identify general links between the nature of investment process and the level of economic development, determine key factors of economic growth at every stage, and disclose their specifics.**Conclusions** The current investment crisis in Russia is logical, as despite extensive discussion on exhausted potential of the export-and-resource-based development model, there are no significant changes in this area. Low social indicators, high country risk, steady distrust of potential investors in State institutions, absence of effective mechanism for protection of property rights and capital investment, as well as mechanisms for transformation of savings into investments are the main reasons underlying the crisis.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2016

Please cite this article as: Vyakina I.V. Investment Support to Social and Economic Development in the Context of Market-Oriented Reforms of Russia's Economy. *National Interests: Priorities and Security*, 2017, vol. 13, iss. 11, pp. 2132–2151.
<https://doi.org/10.24891/ni.13.11.2132>**Acknowledgments**This article was adapted from materials published in the *Economic Analysis: Theory and Practice* journal, 2016, no. 2.**References**

1. Marx K., Engels F. *Sochineniya. T. 23* [Works. Vol. 23]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1961, 924 p.
2. Naryshkin S.E. [Investment security as a factor of steady economic development]. *Voprosy Ekonomiki*, 2010, no. 5, pp. 16–25. (In Russ.)
3. Leont'ev L.I. *O formakh i metodakh stimulirovaniya innovatsionnoi deyatel'nosti* [On forms and methods for innovative activity]. Moscow, Institute of Socio-Political Research of RAS Publ., 2001, 48 p.

4. Abalkin L.I. [Economic security of Russia. Threats and their repulsion]. *Voprosy Ekonomiki*, 1994, no. 12, pp. 4–13. (In Russ.)
5. Lisin V.S., Yanovskii K.E. et al. *Institutsional'nye ogranicheniya sovremennogo ekonomicheskogo rosta* [Institutional constraints of modern economic growth]. Moscow, Delo Publ., 2011, 640 p.
6. Nureev R.M. *Ekonomika razvitiya: modeli stanovleniya i modernizatsii rynochnoi ekonomiki* [Economics of development: models of formation and modernization of the market economy]. Moscow, Norma Publ., 2008, 367 p.
7. Kleiner G.B. [Modern economy of Russia as 'the economy of individuals']. *Voprosy Ekonomiki*, 1996, no. 4, pp. 81–95. (In Russ.)
8. L'vov D.S. [Moral economy]. *Svobodnaya mysl'-XXI = Free Thought-XXI*, 2004, no. 9, pp. 24–36. (In Russ.)
9. Senchagov V.K. [Economic security as a basis for Russia's national security]. *Voprosy Ekonomiki*, 2001, no. 8, pp. 64–79. (In Russ.)
10. Marx K., Engels F. *Sochineniya. T. 25. Ch. 1* [Works. Vol. 25. Part 1]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1961, 546 p.
11. Bazzi S., Blattman C. Economic Shocks and Conflict: Evidence from Commodity Prices. *American Economic Journal: Macroeconomics*, 2014, vol. 6, iss. 4, pp. 1–38.
URL: <https://doi.org/10.1257/mac.6.4.1>
12. Azzimonti M., Francisco E., Quadrini V. Financial Globalization, Inequality, and the Rising Public Debt. *The American Economic Review*, 2014, vol. 104, iss. 8, pp. 2267–2302.
URL: <https://doi.org/10.1257/aer.104.8.2267>
13. Senchagov V.K. [On the substance and principles of the strategy for Russia's economic security]. *Voprosy Ekonomiki*, 1995, no. 1, pp. 97–106. (In Russ.)
14. Orlov A.A. [Threats in the social sector: Their evaluation and the possibility of prediction]. *Voprosy Ekonomiki*, 1995, no. 1, pp. 107–118. (In Russ.)
15. Selahattin I., Kitao S. Social Security Reforms: Benefit Claiming, Labor Force Participation, and Long-Run Sustainability. *American Economic Journal: Macroeconomics*, 2012, vol. 4, iss. 3, pp. 96–127. URL: <https://doi.org/10.1257/mac.4.3.96>
16. Lee H. Endress. Scarcity, Security, and Sustainable Development. In: *Sustainable Economic Development. Resources, Environment and Institutions*. Elsevier Inc., 2015, pp. 49–66.
URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-800347-3.00003-0>
17. Dynan E.K. Changing Household Financial Opportunities and Economic Security. *Journal of Economic Perspectives*, 2009, vol. 23, iss. 4, pp. 49–68. URL: <https://doi.org/10.1257/jep.23.4.49>
18. Bobylev S.N., Zubarevich N.V., Solov'eva S.V. [Challenges of the crisis: How to measure sustainable development?]. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 1, pp. 147–160. (In Russ.)
19. Andreev E.M., Darskii L.E., Khar'kova T.L. [Demographic history of Russia: 1927–1959]. *Naselenie i obshchestvo = Population and Society*, 1998, no. 31, pp. 1–4. (In Russ.)

20. Afontsev S.A. [Crisis management under economic sanctions: Mission impossible?]. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 4, pp. 20–36. (In Russ.)

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.